

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

13 АВГ 1983

г. Москва

— Андрей Павлович, недавно в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова состоялась премьера оперы-феерии «Маяковский начинается». Теснейшим образом связаны с литературой многие другие ваши произведения. Вероятно, есть на то какие-то особые причины?

— Когда-то в юности я думал, что стану писателем. Сочинял рассказы, маленькие повести. Они помогли мне лучше понять себя. Но в конечном счете притяжение музыки оказалось все-таки сильнее. Музыка поглощала всецело, и главный вопрос заключался в том, чтобы суметь передать огромный мир звуков на листке нотной бумаги. Тут-то я и оценил навыки, полученные в детстве: родители учили меня игре на скрипке и фортепиано.

В музыкальном училище, а затем в Ленинградской консерватории мне повезло. Учителя — композитор Сергей Яковлевич Вольфензон и профессор Орест Александрович Евлахов — на редкость удачно дополняли друг друга. Если первый терпеливо и деликатно приобщал к азам, то второй во всем размахе открывал горизонты современной музыки.

Я стал композитором, но любви к искусству слова, к литературе не изменил. Моей дипломной работой была симфоническая поэма «Радда и Лойко» по мотивам рассказа Горького «Макар Чудра». Затем последовали балеты «Станционный смотритель», «Пушкин», «Сотворение мира», опера «Петр Первый».

— Действие этих произведений разворачивается в прошлом, подчас весьма далеком. Однако воспринимаются они как очень современные, сегодняшние...

— Среди девяти муз, почитаемых древними греками, была и покровительница истории Клио. И если историческое сочинение казалось оторванным от действительности, автору с упреком напоминали: «Клио — тоже муза!..». Думаю, это крылатое изречение не утратило своей актуальности и поныне. Ведь в прошлом — наши корни. Заглядывая в него, мы читаем перспективы грядущего.

Сложно было передать в музыке неумную, стремительную, неоднозначную натуру Петра. Работа над оперой продолжалась несколько лет. Меня увлекала трактовка авторов либретто Натальи Касаткиной и Владимира Василёва. Откашавшись от второстепенных исторических подробностей, они сумели в событиях минувшего увидеть то, что волнует людей и сегодня, — непримиримый конфликт добра и зла, сил созидания и разрушения. В оперу вошли знаменитые петровские канты и старинные народные мелодии. Звучат со сцены и открытки из указов Петра, его воззваний, писем.

Творчество народного артиста Советского Союза, лауреата Государственных премий СССР Андрея ПЕТРОВА хорошо известно любителям музыки в нашей стране и за рубежом. Уже много лет он возглавляет ленинградскую композиторскую организацию, является секретарем правления Союза композиторов СССР. В беседе с корреспондентом «УГ» А. Петров делится своими мыслями о творчестве, о путях современной музыки, о культуре ее восприятия.

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

СЕГОДНЯ И КАЖДЫЙ ДЕНЬ

— Не сложно ли это для исполнителей?

— Еще бы! Надо сказать, партия Петра не сразу далась ее первому исполнителю, народному артисту СССР Владимиру Морозову. А между тем его дарованию можно позавидовать: он и певец, и прекрасный драматический актер. Но разве по-настоящему творческий человек не предпочтет новое уже известному, испытанному, открытому!

— Любители музыки знают вас и как эстрадного композитора, автора многих популярных песен. Но, может быть, это всего-навсего эпизод, своего рода отдых от серьезной, эпической музыки?

— Нет, отнюдь не эпизод. Мир музыкальных образов необыкновенно богат и многообразен. Он включает в себя и симфоническую музыку, и народную, и произведения в стиле «рок», «поп», «диско». Причем граница между «серьезными» и «легкими» жанрами весьма условна, расплывчата. Например, для обрисовки героев балета «Сотворение мира» — Адама и Евы — я использовал приемы симфонизма, в то время как гротесковому, эксцент-

ричному образу Чертовки гораздо ближе оказался джаз. Или, скажем, аккомпанемент песни «А люди уходят в море»... Он написан в форме симфонических вариаций.

— Отношение к эстраде, собственное некоей части молодежи, вызывает настороженность. Нередко современные ритмы превращаются в некий фон, сопутствующий и танцам, и чтению, и подготовке к экзаменам. Как тут не вспомнить шекспировские строки: «И музыка, со всех сторон звуча, привычной став, теряет обаяние...».

— Думаю, дело не столько в самой эстрадной музыке, сколько в кажущейся ее доступности, легкости восприятия. Согласитесь, вряд ли кому-то из меломанов, поклонников Вивальди, придет в голову просто так сесть и сочинить концерт для струнных. К сожалению, такая, скорее печальная, чем комическая, ситуация складывается в некоторых вокально-инструментальных ансамблях, люди, слабо ориентирующиеся в образном строе современной музыки (о талантах речи не веду), выступают в роли композиторов,

певцов, инструменталистов. Так что можно понять волнение родителей и педагогов, которые судят о «тлетворном» влиянии эстрады на молодежь именно по этим, в сущности, непрофессиональным коллективам. Однако суть проблемы видится в ином: для того, чтобы отличить дешевку, ширпотреб от прекрасного, надо иметь и развитый вкус, и знания — словом, надо учиться.

— Что, по вашему мнению, может помочь подростку сориентироваться в многоголосом мире эстрады?

— Вероятно, самый плодотворный путь — знакомство с лучшими образцами и традициями жанра. Мы и сегодня восхищаемся красотой песен Шуберта, романсов Глинки. По праву считаем их непреходящими духовными ценностями. Между тем по воле моды преданы забвению многие произведения советской эстрадной классики. Или, например, песни «Битлз». А ведь их шедевр — «Вчера» — это своеобразное пособие при постижении основ современной музыки. Наверное, лучшие достижения эстрады должны стать неотъемлемой частью факультативных занятий по музыке или, скажем, школьных дискотек. Пусть общение с музыкой станет не развлечением, не праздным занятием, а внутренней потребностью молодого человека. Музыка — как средство воспитания обладает огромными возможностями.

— А какое из направлений современной эстрады вам наиболее близко?

— Я не стремлюсь к воплощению канонов и условностей того или иного стиля: гораздо важнее точно передать характер, настроение героя. Особенно в музыке для кино. Ведь кинематограф — это синтез многих искусств, и авторский эгоизм одного из создателей фильма порой способен разрушить общий замысел.

Как никто другой, понимает это Эльдар Рязанов. Задавая общий тон будущей музыке, он никогда не навязывает готовых решений. И тем более — стилистических концепций. В фильме «Служебный роман» нравственные открытия, к которым как бы исподволь приходят герои, их отнюдь не юный возраст побудили меня избрать «ретро». А вот в «Вокзал для двоих» музыка использована как фон, на котором разворачивается действие. На ее стилистике отразились приемы, характерные для популярных вокально-инструментальных ансамблей «Пламя» и «Самодеты». Сейчас я работаю над музыкой к новой ленте Рязанова по пьесе А. Н. Островского «Бесприданница». Фильм будет называться «Жестокое романс»...

В. КОНДРАТЬЕВ.

г. Ленинград.

Фото Ю. ЩЕННИКОВА.